

Олег Губарь

Привоз

К истории самого знаменитого рынка Одессы

Слово привычное, окатанное, утратившее первоначальный смысл и сделавшееся именем собственным: крупнейший и рельефно экзотический базар Одессы, ее метафорическое олицетворение и своеобразная визитная карточка. Несмотря на то, что в нашем городе вроде бы имеются и куда более достойные (хотя бы в историко-культурном отношении) мемориальные места. Но, как принято говорить, сердцу не прикажешь: мы любим именно то, что любим, а не то, что рекомендуют любить по нормативам или по руководящей указке сверху. Первостроители города хорошо продумали «систему сообщающихся базаров», пронизывающих исторический центр по оси порт – Военная балка – Александровский проспект (бульвар). Одним из полюсов проспекта служил так называемый Греческий базар на Северной, или Александровской, площади (площадь Мартыновского, Греческая), а другим – Привозная площадь. Между ними располагались так называемые Гостиные ряды («красные лавки»), вскоре получившие имена солидных купцов Протасова и Авчинникова, а затем эти два ряда и соседний стали называть по этническому признаку – Немецкий, Караимский, Еврейский и проч., – а также Старый базар (он же – Вольный рынок), простиравшийся от современной Успенской до Большой Арнаутской и далее узким коридором до Привозной площади, каковая самостоятельным рынком не была большую часть всего XIX столетия. По существу, Привоз составлял «отделение» Старого базара (так, в «Ведомостях одесского городского общественного управления» разных лет неоднократно читаем однозначное: «(...) на Привозной площади

Старого базара»), предназначенное для торговли непосредственно с колес, а точнее – с возов, фур и проч. При этом торгующие с колес не платили никаких рыночных сборов вплоть до середины 1860-х годов. Не было здесь и собственного учреждения мер и весов.

Из сказанного становится совершенно очевидно, что попытки отдельных краеведов датировать основание Привоза как рынка каким-нибудь 1865-м годом не имеют под собой решительно никаких оснований. Проектируя обрисованный нами грандиозный «коммерческий организм», Ф.П. Деволан отменно приносовил его к локальному ландшафту: транспортные средства поднимались от Практической гавани по тальвегу Военной балки, фактически превращенной в важнейшую городскую магистраль, пересекали Дерibasовскую под соединявшим две ее части (Гаванная улица как бы прорезала Дерibasовскую оврагом) деревянным мостом и попадали напрямиком на Греческий базар, а оттуда следовали мимо специализированных рядов в направлении Старого базара и далее – на Привозную площадь. Перерабатывая первичный проект Деволана, военный инженер Ферстер и архитектор Фраполли не изменили его сущности. Весь этот широкий пассаж окаймлялся зданиями, предназначенными для торговли и декорированными аркадами и колоннадами ионического и дорического ордера. Александровская улица (она же – проспект, она же – бульвар) и была главной и самой широкой улицей Одессы до той самой поры, пока городской архитектор Г.И. Торичелли не перегородил въезд на эту магистраль со стороны гавани своим собственным домом по нечетной стороне Дерibasовской. Затем тому же примеру последовали влиятельные фигуры региональной истории – сначала А.И. Маюров, а затем И.А. Ансельм, окончательно обособившие великолепную торговую трассу от питающих ее истоков. Дома перечисленных лиц были, конечно, хороши собой, однако «необщее выражение лица» Южной Пальмиры при этом сильно изменилось.

Но вернемся к нашим баранам, точнее – к баранине. До нас дошли известия о таксе на главные съестные припасы на Вольном рынке, утвержденной указом от 16 июня 1797 года. Масло, за пуд: коровье – 5 руб., овечье – 4,25. Мясо, за фунт: говяжье – 2,5 коп., баранье – 3,0. Птица: индейка – 1 руб., гусь – 50 коп., утка –

30, курица – 20. Десяток яиц – 10 коп. Тут следует уточнить, что означенный ценник был препровожден в магистрат Одессы 5 октября того же года с припиской: «Цены составлены в неурожайный 1797 год, и они выше действительно существующих».

Хочу подчеркнуть, что название *Старый базар* довольно долго относилось к обширному району, заключавшему в себе не только четыре собственно рыночные секции меж улицами Успенской, Большой Арнаутской, Базарным и Успенским переулками. Все специализированные ряды, строившиеся и функционировавшие в окрестностях – старый щепной, старый и новый мясной (резничный), старый и новый рыбный, горшечный и, разумеется, «курятный», – тоже относились к Старому базару. Поскольку еще летом 1796 года городские веса и меры были сданы в откуп греческому купцу Ивану Беломорскому, постольку есть все основания говорить о том, что Вольный рынок, а стало быть, Привозная площадь уже полноценно функционировали. Занимательно, что в архивных документах название *Привоз* применительно к Старому базару фигурирует по крайней мере с начала XIX столетия. Другое дело, что в это время Привозная площадь постепенно мигрировала, то есть сдвигалась в направлении своей чуть более поздней дислокации по мере застройки кварталов меж Большой Арнаутской и нынешней Пантелеймоновской. Во всяком случае эта площадь частично или полностью находилась в нынешних пределах не позднее второй половины 1810-х годов, ибо мясные ряды застраивались с 1806-го, щепные – с 1809-го, новые рыбные – с 1818-го, а новые мясные ряды и вообще возведены на самой площади, в результате чего сформировалась Привозная улица (с противоположной стороны, близ кладбищенских стен, устроили новый щепной ряд). Другими словами, новая застройка выдавливала «привоз» на смежные пустопорожние участки.

Вот как описывает движение от Старого базара к Привозной площади во второй четверти позапрошлого столетия современница: «Сначала идет Немецкий рынок: тут продают телятину... колбасы, сосиски; близ него, на площади, останавливаются приезжие колонисты с маслом, сметаной, творогом, яйцами, живностью; тут продают дичину и сидят торговки с зеленью. После рядов с угольями начинаются мясные ряды, а на другой стороне –

овощные лавки, там продают муку, крупу, солод, постное масло; середину между их рядов занимают торговки с зеленью и разными овощами (...). Немного подалее – рыбные ряды и площадь, где увидите множество телег с рыбою... Направо от мясных и рыбных рядов продают битую птицу, а немного подалее – живую; в той же стороне летом и осенью бывает временами зеленой ряд и шалаши, где продают разные овощи; подле них стоят возы с яблоками, виноградом, грушами, арбузами и дынями; тут же продают и кизяк. Если начать от Немецкого рынка и идти до дровяного, то верно будет пространства около двух верст». Весь XIX век Привоз, по сути, представлял собой довольно грязную не замощенную площадку, лишенную каких-либо капитальных строений. Во второй половине того же позапрошлого столетия здесь имелись деревянные лавчонки и балаганы для торговли различными съестными припасами, которые сдавались городской управой в аренду посредством «торгов», то есть на аукционной основе.

Чрезвычайной надобности в каменных строениях не было, поскольку всего в двух кварталах находились превосходные «городские каменные эшопы» Старого базара, сооруженные по проекту Г.И. Торичелли еще в 1830-1840-е годы. Крестообразные в плане ряды разделяли этот базар на четыре площади: Черепениковскую, Яловиговскую (Кумбарьевскую), Шишмановскую и Посоховскую, названные так по именам здешних домовладельцев. Руины «эшоп» дожили до 1920-х годов, а находившаяся на их перекрестии башня с часами, подобно огромной заброшенной голубятне, простояла вплоть до лета 1958 года, а затем обрушилась в направлении Екатерининской. В целом Старобазарная площадь, как и Александровская, и Новобазарная, также окружалась аркадами. Привозная же – оставалась незастроенной, и это было вполне логично, ибо наличие больших корпусов сковало бы «маневр» гужевого транспорта, собственно и составлявшего *привоз*.

Справедливости ради заметим, что изначально периметр Привозной площади застраивался такими же примерно «пропилеями», то есть одно- и двухэтажными торговыми рядами с портиками ионических колонн, как это было сделано на Новом и Греческом базарах в 1800-1810-е годы. Образцы таких рядов (упоминавшихся щепных, рыбных, мясных) в классическом стиле,

сооруженных по проектам одесских архитекторов итальянского происхождения, можно было видеть, например, на Старорезничной и Новорыбной улицах. Собственно говоря, Новорыбная улица и получила свое второе (после просто Рыбной) название по новым рыбным рядам, построенным младшим братом Франческо Фраполли, Джованни (Иваном). Однако подобная стилистика не была повсеместной и не выходила за рамки отдельных кварталов. Кроме того, домовладельцы далеко не всегда считались с обстоятельствами архитектурного пейзажа: портики за колоннами по их ходатайствам постепенно застраивались перегородками, а то и вовсе заменялись обычными фасадными стенами, некоторые лавки надстраивались, и в результате «золотое кольцо» базарных площадей оказывалось негармоничным, весьма далеким от задуманного проекта. Одно из таких торговых помещений в обезображенном виде еще не так давно находилось на углу Пантелеймоновской (по четной стороне этой улицы) и Екатерининской.

Отличное представление о том, как выглядел Привоз в середине 1870-х годов, дает следующий ернический текст из газеты «Одесский вестник»: «Наша Привозная площадь, – писал современник, – в самом жалком и безобразном состоянии. В промежутках между балаганами проходящие и торгующие на площади отправляют естественные нужды; в зеленом ряду – кучи гнилой зелени, которая в настоящее время (июнь месяц. – **О. Г.**) разлагается; позади фруктовых балаганов – кучи всякого сору. Вонь от нечистот и различных разлагающихся веществ невыносимая». В другой раз бойкий репортер написал еще покруче: «Возьмите грязь вашего скотного двора, помножьте ее на грязь омерзительного Балтского базара и произведение разведите водою, разлитую возле корыт ваших водопоев, – вот тогда вы и получите настоящую грязь Привозной площади». Описанное привело к весьма печальным последствиям, но об этом – ниже.

В это же время поступали предложения о том, чтобы Распорядительная дума строила на свой счет единообразные торговые будки, лотки и балаганы, ибо Привозная и прочие базарные площади столицы Юга «в архитектурном отношении» мало отличаются «от базаров Балты, Крюкова, Маяк и других бедных

городков». «Это тем более возможно, – говорилось инициаторами подобной «перестройки», – что Дума выручит затраченные деньги с торговцев, которые с охотой купят место с будкой на условиях постепенной выплаты». Предложения эти так и не нашли реализации, и Привоз продолжал оставаться столь же «разнокалиберным», сколь и многоцветным, на манер пестрой цыганской шали.

Рост населения города и соответственно – спроса на продовольствие обусловили необходимость функциональной эволюции Привозной площади. Помимо деревянных лавок, будок и рундуков здесь начинают появляться комбинированные торговые помещения, в частности, так называемые «резницы» (где забивался исключительно мелкий скот и птица, в том числе – по строгим правилам кашрута; крупный скот забивали в городских бойнях на Пересыпи), с каменными цоколями и бетонными полами и водосливами, наличие каковых диктовали существующие санитарные нормы и правила. В Городской думе то и дело дебатировался вопрос о сооружении каменных торговых помещений, – поступали заманчивые предложения от частных лиц. Однако меморандумы эти долго оставались без последствий. В самом начале 1870-х под давлением горожан на власти большая часть площади и некоторые прилегающие улицы и переулки (скажем, Александровский проспект – от Привозной площади до «городских каменных эшоп» Старого базара) были наконец замощены гранитным щебнем. Более-менее пристойно оборудованные отхожие места, да и то немногочисленные, появились здесь гораздо позднее, что постепенно довело санитарно-эпидемиологическую обстановку до критической. Нет, не зря один заезжий литератор остроумно назвал Одессу «миловидной замарашкой». Особой неопрятностью отличался переулок от Малой Арнаутской до Старорезничной, между Александровской и Екатерининской улицами. Здесь издавна стояли многочисленные торговые шалашы, но Шалашным оный закоулок стали называть лишь на рубеже 1870-1880-х годов, а прежде его именовали... просто Грязным. В «Известиях Одесской городской думы» помещена следующая информация от 22 января 1892 года: «Наиболее антисанитарную местность, крайне опасную для народного

здравья, клоаку в густонаселенной части города представляет из себя так называемый Шалашный переулок (...) Обезвредить этот переулок возможно лишь открытием свободного его с Екатерининской улицей сообщения (...)». В это время Шалашный отчленялся от Екатерининской руинами сгоревшей «Теплой синагоги». В конце концов переулок действительно влился в одну из главных городских улиц и одно время даже назывался Сквозным. Статус «клоаки» от этого, однако, ничуть не пострадал...

Значение Привоза как крупного продовольственного рынка особенно стимулировалось тем, что несмотря на принятые Думой решения, все четыре старобазарные площади даже в первой половине 1876 года продолжали вмещать Толкучий рынок, который никак не удавалось перевести на Прохоровскую площадь. И в сложившейся ситуации Привоз стал серьезным конкурентом своему прародителю – Старому базару. Однажды у Привозной площади даже появился шанс вообще похоронить первый одесский базар: среди прочих поступавших в Городскую думу предложений очень серьезно обсуждался проект сооружения на месте «каменных эшоп» Вольного рынка огромного театра – преимущественно для драматических и цирковых трупп. В связи с этим торговлю съестными припасами предлагалось полностью перевести на Привоз, а Толкучий рынок – на Молдаванку. К счастью для Старого базара, этот проект реализован не был. Точнее сказать, театр все же построили, но на противоположном конце Александровского проспекта (бульвара) – на нечетной стороне Полицейской улицы, близ дома Бернштейна, напротив дома Ансельма.

История перемещения толчка со Старого базара на Прохоровскую площадь и связанных с этим функциональных изменений Привоза подробно изложена мной в другом очерке. Здесь же замечу только, что в ходе попытки перевода овощного, зеленого, фруктового и молочного рядов с Привоза на Старый базар вся означенная торговля была, как обычно, «разбросана по обочинам и тротуарам» на всем пространстве Александровской улицы между двумя этими рынками, «стесняя проход». В октябре 1876 года торговцам объявили, что с 1 ноября на Старый базар переходит торг зеленью, рыбой, маслом, печеным хлебом, а на Привозе оставляют реализацию картофеля, лука, фруктов,

кроме того, «курятный ряд», а торгующие в деревянных лавках остаются все, вне зависимости от ассортимента продуктов. Кстати, мы располагаем исчерпывающей информацией относительно количества реализовывавшихся на Привозе до революции основных продуктов питания. Реестр, понятное дело, чересчур обширен, а потому остановимся в первую очередь на излюбленной одесситами птице. «На ваш вопрос, сколько приблизительно в день продается на Привозе кур для истребления в Одессе, – пишет любознательный современник, – один опытный торговец ответил: до тысячи пар». Наивысшая цена за пару хороших кур столетие назад составляла 1 руб. 80 коп. – 1 руб. 90 коп. Торговали птицей в сорока пяти специализированных лавках, однако «рачительные хозяйки предпочитали покупать птицу непосред-

венно с воза», ибо были уверены, что возьмут дешевле, нежели у перекупщиков, да и товар будет свежее. Анализируя ход птицеторговли на Привозе, местная газета пришла к выводу, что одесситы ежегодно поедают не менее 1.132.800 кур. Небывалый размах ошипанных крыльев! Годовое потребление яиц – порядка 40 млн штук, причем цена за десяток не превышала 25-30 коп. Расчеты показывают, что «одесское чрево» переваривало по 100 кг мяса и более 110 куриных яиц в год на человека! И в этом нет ничего необычного, если учесть, что цены мяса (за фунт) в конце XIX столетия были следующие: 1-й сорт – 9 коп.; 2-й – 8 коп.; филе – 20 коп.; баранина – 7-8 коп.; телятина – 10 коп. и т. д. Например, лучший американский картофель продавался по 50 копеек, а лук – 1 рубль... за пуд! Кварта сметаны (примерно литр) стоила 35 коп., а молока – от 10 до 12 коп. Крупная кефаль оценивалась в полтора рубля за десяток, связка бычков (вспомним и даже невольно простим визгливую мадам Стороженко, а заодно укажем, что постоянные драки между торговками рыбой и их столь же темпераментными клиентками бесконечно приводили к судебным разбирательствам; обычно драчуни подвергались недельному аресту или штрафу, по их собственному выбору) – от 15 до 30 коп. А цена великолепных балтских колбас колебалась от 5 руб. 50 коп. до 5 руб. 80 коп. за пуд! Принимая во внимание то обстоятельство, что квалифицированный рабочий зарабатывал 20 и более рублей в месяц, можно сделать кое-какие выводы...

Замечательный наш одесский краевед Ростислав Александров собрал целый корпус литературных текстов, прямо или опосредованно связанных с базарами, в том числе – с Привозом. Вот, скажем, чрезвычайно вкусные строки Эдуарда Багрицкого: «И в этот день в Одессе на базаре Я заблудился в горах помидоров, Я среди арбузов не нашел дороги, Черешни завели меня в тупик...». Не мог не заглянуть на Привоз и колоритный бабелевский биндюжник Фроим Грач из «Одесских рассказов»: «Грач (...) надел парусиновую бурку и на следующий день отправился в гости к бакалейщику Каплуну на Привозную площадь. Над лавкой Каплуна блестела золотая вывеска. Это была первая лавка на Привозной площади. В ней пахло многими морями и прекрасными жизнями, неизвестными нам...». Знаменитый рынок

посещали герои Валентина Катаева, Льва Славина, Сергея Бондарина, Всеволода Азарова, Михаила Жванецкого, Аркадия Львова, Игоря Павлова, Михаила Пойзнера и многих других одесских писателей и бытописателей всех времен. Опыт посещения Привоза оставил неизгладимый след и в памяти рафинированного Антона Павловича Чехова, который вложил в уста персонажа рассказа «Жена» следующую сакраментальную формулу: «...Есть люди, – сказал я мягко, – которые обладают ангельским характером, но выражают свои великолепные мысли в такой форме, что бывает трудно отличить ангела от особы, торгующей в Одессе на базаре»...

Нужда в капитальных каменных строениях на этом крупнейшем городском рынке обозначилась к рубежу веков весьма отчетливо (в перечне городских построек, возведенных в 1889 году, между прочим упоминается и «каменная контора для торгового смотрителя и ветеринарного врача на Привозной площади»), однако активно дело сдвинулось с мертвой точки лишь после одной чрезвычайно скандальной и вместе с тем печальной истории, совершенно выпавшей из летописи города. Едва ли кому теперь известно, что чуть больше ста лет назад, в 1902 году, Привоз был практически полностью сожжен. Причем сожжен предумышленно, во что нелегко поверить, самими одесситами. Что же заставило горожан безжалостно уничтожить один из крупнейших своих базаров? А дело в том, что 9 июня 1902 года в Одессе был зафиксирован первый после солидного перерыва случай заболевания чумой. Чем это грозило, одесситы неоднократно испытали на собственной шкуре (достаточно вспомнить «памятник» эпидемиям 1812, 1829 и 1837 годов – так называемую Чумку, искусственной холм, насыпанный над старым чумным некрополем). Поэтому тотчас же были предприняты самые энергичные противочумные мероприятия: создана специальная санитарно-исполнительная комиссия, при Городской больнице выделен изолированный барак для заболевших, сформированы многочисленные санитарные отряды, занимавшиеся дезинфекцией, причем все их сотрудники превентивно прививались противочумной сывороткой и т. д. Тем не менее без жертв, к сожалению, не обошлось: к 13 октября было диагностировано 47 случаев заболевания бубонной чумой, 15 из которых привели к летальному исходу. Скоро

выяснилось, что все заболевшие так или иначе, а имели отношение к Привозной площади: были торговцами, покупателями либо обитателями соседних домов и т. п. Инфекцию переносили крысы, в огромном количестве скопившиеся в зловонных провалах и подвалах под грязными деревянными настилами торговых помещений, а также в погребах, так называемых *минах*, прилегающих домостроений и в соединенных с этими подземельями несколькими ярусами катакомб.

Поскольку далеко не все лавки и окрестные магазины были такими же «первыми», как мастерски нарисованная Бабелем колониальная торговля упоминавшегося Каплуна, и пахли они вовсе не «прекрасными жизнями, неизвестными нам», еще в 1890 году «торговцы Привозной площади вошли в Городскую управу с жалобой на то, что несметные стаи крыс истребляют товары, и просили о принятии мер к их истреблению». Принятые меры оказались недостаточными, временными, и когда пришла чума, пришлось прибегать к средствам гораздо более радикальным. «После колоссальных трудов по очистке и дезинфекции, после того как всю площадь залили карболовой кислотой и известковым молоком, – писал столичный корреспондент, – было решено попросту сжечь некоторые наиболее грязные лавчонки и лотки». Стремление выжечь чуму дотла привело к тому, что реестр означенным деревянным строениям все расширялся и расширялся. При этом частные лавки и балаганы были оценены авторитетной комиссией, и их владельцы получили соответствующую компенсацию. Была уничтожена и большая часть деревянных корпусов, принадлежавших городу и сдававшихся в аренду частным лицам. В ходе противочумных мероприятий торговля с Привозной площади была временно перенесена на Куликовое поле. (В скобках заметим с печалью, что еще задолго до описываемых событий, а именно на исходе марта 1871 года, отдельные одесситы сознательно – или несознательно, как хотите, – искалечили Привоз, да и не только его, в совершенно иной ситуации. Тогда во время варварского погрома разорению, разрушению, поджогам подверглись как раз наиболее опрятные торговые помещения, принадлежавшие еврейским коммерсантам...)

После ликвидации чумной заразы фактически и исчез с лица города тот патриархальный Привоз, каким он был большую часть всего XIX столетия: из сохранившихся фотоснимков видно, что на Привозной площади стояли низкие одноэтажные деревянные торговые ряды с навесами по фасаду, отдаленно напоминавшие каменные торговые ряды Нового и Греческого базаров, построенные по проекту Франческо Фраполли еще в первые десятилетия XIX века. И только городские корпуса, тоже деревянные, были несколько выше, но совершенно непрезентабельные, чисто утилитарные. Означенные строения дополнялись многочисленными и разношерстными рундуками, шалашами, навесами, балаганами, будками и проч. Так, практически поневоле, открывалась новая страница истории знаменитого базара, и в хрестоматийном 1913 году по проекту авторитетного архитектора Ф.П. Нестурха (проектанта здания публичной библиотеки по ул. Херсонской) построен изящный Фруктовый пассаж, венчающий Привоз со стороны Преображенской. Он складывается из четырех двухэтажных корпусов, соединенных арками с коваными воротами, украшенными литыми чугунными фруктовыми вазами. В отличие от, скажем так, классического пассажа, расположенные попарно двумя рядами корпуса не застланы стеклянной кровлей, и к ним примыкает довольно обширный двор. Превосходно продумана внутренняя планировка: каждый корпус имеет в первом этаже анфиладу из десяти торговых помещений, ныне, конечно, перестроенных, и вместительные глубокие подвалы.

С этим замечательным памятником истории градостроительства связан следующий забавный эпизод. 31 марта 1941 года (о Юмориных тогда никто, разумеется, не слыхивал) по улицам слона водили. Отлично знакомого одесситам четырехлетнего слоника Мурзу в числе прочего зверья надумали передислоцировать из местного зоопарка в симферопольский. Едва его вывели из зверинца, он тотчас же обратил свои взоры на Фруктовый пассаж. «В мгновение ока перепуганное население рынка ринулось во все стороны, – пишет репортер «Большевистского знамени». – Передвигаясь вдоль Фруктового ряда, Мурза с аппетитом съел несколько яблок, достал хоботом из бочки соленые огурцы, отведдал несколько кочанов свежей капусты, полакомился сушеными

фруктами». Последовал хэппи-энд: слоника изловили, доставили на станцию Товарная, где его дожидались остальные питомцы зоосада, и загнали в товарный вагон.

К слову, в предвоенные же годы зафиксирована и единственная, насколько я знаю, попытка переименования Привоза. Однако тусклое ура-идеологическое «Октябрьский рынок», разумеется, осталось только на бумаге. Следующая страница каменной летописи Привоза отстоит от предыдущей на целых сорок пять лет и относится ко времени хрущоб. Удивительно, но именно тогда легендарный рынок обрел лучшие капитальные строения тематической торговли, и в 1958 году на месте бывших резниц репрезентовал новый мясной корпус. Архитектора, придумавшего это сооружение, я знал много лет: незабвенная Рашель Абовна Владимирская была деятельнейшей представительницей историко-краеведческой секции «Одессика» при Доме ученых, и именно она и ее супруг, известный искусствовед А.А. Владимирский, пригласили меня в бюро этой секции. Благодаря «Одессике», между прочим, в свое время удалось предотвратить уничтожение того самого Фруктового пассажа! Р.А. Владимирская блестяще решила сложнейшую задачу устройства обширного торгового здания: кроме чисто профессиональных пригодились и специфические краеведческие знания. Используя опыт сооружения крытых рынков конца XIX века (в том числе – в Одессе, на Новом базаре), она применила базиликальную систему пространства. А потому интерьер оказался хорошо освещенным и удобным в эксплуатации. Типологический этот проект несколькими годами позднее был успешно использован и в ходе строительства молочного корпуса.

Остается упомянуть о четырех одноэтажных рыбных корпусах, располагавшихся до конца 1970-х между описанными выше корпусами и железнодорожным вокзалом. Не берусь судить об их архитектурных достоинствах, которых, впрочем, и не было. Но были эти домики вполне функциональны (разумеется, до поры до времени), а главное – привычны. Одесситы со стажем отлично помнят специфику этого привокзального пятачка. Здесь с давних пор, как принято говорить, «на бану», помимо рыбы торговали подержанными часами, нередко поставлявшимися

карманниками. Тут же издавна продавались рыболовные принадлежности, преимущественно для морского лова (закидушки, донки, самодуры и др.).

В 1980-х, по сути, перестала существовать и целая улица – Привозная: с 1985 года начали сносить целый квартал домов между Преображенской и Пантелеймоновской (Новорыбной) улицами, Привокзальной площадью и Привозом, где устроили региональный автовокзал и автостоянку. Последним был разрушен дом № 24, жестяная табличка с ворот которого сохранилась в собрании М.Б. Пойзнера. Дома эти, впрочем, тоже не блистали особой красотой. В 1830-1840-х здесь строились преимущественно купцы и мещане среднего достатка и ниже. А в начале прошлого века тут помещались в основном непрезентабельные торговые и складские помещения, ночлежки, многочисленные питейные заведения (трактиры, «белые харчевни», ренсковые погреба, штофные лавки и т. п.), здесь полиция Бульварного участка периодически проводила облавы и прочие зачистки для выявления беглых арестантов и беспаспортных, каковых отправляла по назначению: кого в инфекционное отделение Городской больницы, кого в арестантские роты или тюремный замок, а кого депортировали на родину. Особо опасными в криминогенном отношении

числились так называемые «дешевки» – подвалы-ночлежки, где разного рода шантрапа имела возможность переночевать за считанные копейки. Спали на соломе вповалку.

В газетах описаны поистине душераздирающие сцены. Большинство «дешевок» в XIX столетии находилось по Рыбной улице, в Щепном ряду, в ближайших к Привозу кварталах Екатерининской и Преображенской. Днем же насельники ночлежек отирались на базаре, демонстрируя виртуозное мастерство облегчения чужих карманов, а равно ридикюлей и корзин. Специалисты в этой области чудеса творили. Так, однажды они ухитрились среди бела дня сседить через трубочки несколько бочек, привезенных одним ротозеем из Молдавии для реализации на Привозе. Практиковались маневры с подбрасыванием кошелька, всучиванием «кукол», подменой часов из драгметаллов дешевыми томпаковыми, продажей фальшивых самоцветов, псевдоянтарных мундштуков, спитого чая, фальсифицированного кофе, сливочного и постного масла и многих других пищевых продуктов. В связи с этим Привоз постоянно ревизовала специально сформированная городом комиссия, в обязанности которой вменялось выявление подобных фальсификатов, во главе с известным химиком-органиком, профессором Императорского Новороссийского университета В.В. Вериге.

Другой вид промысла одесских мазуриков красочно описан в романе бывшего городского полицмейстера В.М. Антонова «Одесские катакомбы» еще в первой половине 1870-х годов. Суть дела заключалась в том, что эти проходимцы перехватывали следовавшие на Привоз продовольственные караваны и фактически занимались рэкетом, то есть правдами и неправдами отнимали или за бесценок перекупали товар, а затем сбывали его втридорога. По свидетельству Антонова, «двести человек факторов-кулаков, ежедневно отправляясь до рассвета за черту города на расстояние десяти верст и более, встречают там возчиков зерновых продуктов, распространяют между ними ложные слухи относительно существующих цен, выманивают у них хлеб за дешевую цену, сунув им в руки ничтожный задаток, привозят зерновой товар целыми обозами в город» и, разумеется, изрядно наживаются на таком бизнесе.

Можно упомянуть и более приличные сооружения, окружавшие Привозную площадь, например, склады ведущих «куриных экспортеров» Мунесса, Фишеля, Кашиха, Метаксы и Монтиньяни, которые экспортировали из Одессы в Европу примерно полмиллиона штук птицы в полугодие. Или, скажем, возьмем коммерческие заведения Новорыбной улицы. В домах № 55 и 57 помещалась «Торговля бессарабскими и кавказскими товарами и сухими грибами Б.Ф. Городецкого». Помимо упомянутых грибов здесь торговали клюквой и сыром, нежинскими огурцами и орехами, хмелем и солодом. Дом № 61 принадлежал Н.Л. Кантору, каковой реализовывал примерно те же товары, что и Городецкий, а кроме того, торговал голландскими сельдями, сухофруктами, лавровым листом, оберточной бумагой, сапожной мазью и проч. В № 97 обособилась «Торговля бакалейными, колониальными и москательными товарами и склад подсолнечных семечек одесского купца К.А. Микешина». В доме № 110 находился «Склад и комиссионерство С.М. Файнштейна», предлагавшие потенциальным клиентам разнообразные корзины, кошельки, соломенные шляпы, а также всевозможные веники. На Новорыбной свой дом построил даже выдающийся итальянский архитектор Ф.К. Моранди, однако все же на почтенном удалении от Привозной площади.

В 1870-х среди домовладельцев Новорыбной улицы находим известные в региональной истории фамилии: Черепенникова (№ 45), Яловикова (№ 55 и № 134), Бирюкова (№ 57), Шифмана (№ 59), Родоканаки (№ 61), Каравья (№ 91), Гладковой (№ 99 и 136), Петрокино (№ 6), Моранди (№ 30), Лашкарева (№ 98), Шапошникова (№ 118), Менделевича (№ 120). Здесь следует уточнить, что в середине 1900-х нумерация этих домов несколько изменилась. В числе охраняемых объектов культурного наследия – ряд доходных домов, примыкающих к Привозной площади со стороны Пантелеймоновской (Новорыбной) улицы. Это, скажем, дома № 76, 82 и 84. Любопытно, что 82-й номер принадлежал известнейшему Торгово-промышленному товариществу «А.К. Дубинин», с 1835 года занимавшемуся поставкой и торговлей морепродуктами. Уже в начале 1850-х его основатель Антон Кузьмич Дубинин владел лавкой в так называемом Рыбном ряду (который и дал название улице), каковая впоследствии транс-

формировалась в большой магазин «в собственном доме». Второй свой магазин Дубинины открыли на Дерибасовской улице в доме Роте, на углу Красного переулка, и это был лучший гастроном Одессы всех времен. Фабрикант рыбных консервов, изобретатель оригинального холодильника Варфоломей Антонович Дубинин удостоился множества медалей на сельскохозяйственных и промышленных выставках в России и за рубежом. В моем собрании имеются роскошные фарфоровые изделия с фирменной атрибутикой Дубининых, специально заказывавшиеся у знаменитого М.С. Кузнецова. В начале прошлого века он выстроил на месте прежнего великолепный новый дом. В 1911 году рядом с ним построился (Пантелеймоновская, № 84; проект архитектора Шульгина) и другой предприниматель, М.Л. Фукс.

Существовали в этом районе и небольшие предприятия – мелкие фабрики, цеха, кустарные мастерские. Например, «Паровая фабрика халвы, рахат-лукума и тахинного масла И.М. Бермана» и при ней магазин – на углу Александровского проспекта и Старорезничной, в доме Болгарова, № 14. Самое забавное заключается в том, что уже в советское время все эти цеха, мастерские, склады и тому подобные заведения были репрезентованы столь же убогими «общенародными». А на смену ночлежкам и «дешевкам» пришли... так называемые дома колхозников. В моей коллекции имеются уникальные послевоенные фотографии, во всех деталях запечатлевшие быт и нравы оных социалистических общежитий. Но как бы там ни было, хорошие, плохие ли, но дома эти, заведения и предприятия, как и их насельники, составляли то, что я назвал бы веществом жизни, бродильным соком города, или, ссылаясь на Тургенева, «теином в чаю, букетом в благородном вине». И этого увядшего букета, этого окончательно и бесповоротно перебродившего жизненного вещества нам иной раз очень недостает. С трогательно родным прошлым всегда жаль расставаться, тем более – смеяться...

Проходят годы, меняются власти и социальные формации, не говоря уже о нравах градоустроителей (ныне на месте ночлежек и «дешевков» выросли просторные корпуса и супермаркеты «Нового Привоза»), но пестрое пряное торжище по-прежнему оптимистично, остроумно, говорливо, непредсказуемо.

«Бродильное начало» в нем, по-видимому, неистребимо. Давеча услышал лаконичный диалог: «Так Валя умерла! У нее, оказывается, был сахар...» – «Вот гнида! Сахар был, а брагу так и не поставила!». А то мы однажды с Шуриком Ройтбурдом (художником столь же авторитетным, сколь и скандальным) приперлись сюда по неотложному

делу. Подходит он вразвалочку к контейнеру и выдает заранее заготовленную фразу: «Девушка, мне пшикалку надо. У меня, вы понимаете, испортились отношения с моими тараканами...». Девушку с Привоза враспloh не захватишь: «А насколько они у вас испортились, – парирует, – на три пятьдесят или на семь?». Мой близкий друг, замечательный одесский бытописатель, автор книги «С Одессой надо лично говорить» Михаил Пойзнер услышал на Привозе следующий диалог. «Стоп! Куда ты лезешь?! Отвали, а то я тебя сейчас обматерю!» – «Ой, не надо, подруга, промолчи! Я же из Шалашного переулка! Лучше давай я тебе эти красивые слова скажу! Не лишай меня куска моего хлеба!». Наш с Пойзнером общий приятель, старый водолаз Сергей Сазонов, торгуется на Привозе весьма оригинально.

- Почем кило картошки?
 - Гривна.
 - Давайте по восемьдесят.
 - С какой это радости?!
 - Как?! Так вы же отдаете в хорошие руки!
- Живи, Привоз!..

